

Айзек Азимов

Цена риска [Риск]

Айзек Азимов
Цена риска [Риск]
Серия «Рассказы о роботах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146715

Оригинал: Isaac Asimov, "Risk"

Перевод:

А. З. Колотов

Аннотация

Эксперимент по выходу в гиперпространство сорван! Чтобы узнать причину, нужно попасть на корабль. Но вот беда— корабль в любую секунду может оказаться на другом конце галактики.

Содержание

Айзек Азимов

Цена риска

Для этого была создана Гипербаза. В Центральном зале, сообразуясь с негласным, но строгим протоколом, собрались чиновники, ученые, техники и все остальные, определяемые, как правило, одним словом: персонал. Близился момент, который должен был увенчать их усилия, и этого все ждали по-разному, каждый в соответствии с темпераментом: нетерпеливо – не находя себе места – затаив дыхание – с восторгом, страхом...

Полая внутренность астероида, известного под названием Гипербаза, стала центром непроницаемой оболочки секретности, сферического железного занавеса радиусом десять тысяч миль. Ни один корабль не смог бы пересечь его безнаказанно, ни одно сообщение не уходило оттуда без предварительного просмотра.

На расстоянии примерно ста миль, описывая почти идеальный круг около Гипербазы, летел крохотный астероид, запущенный год назад. Его номер был Н-937, но все обитатели Гипербазы говорили про него просто «Там», («Ты Там сегодня был?» «Там генерал сейчас; наводит Там шороху...»). Безликое указательное местоимение мысленно писалось с заглавной буквы.

Там, праздный до наступления «Времени X», находился

«Парсек», единственный в своем роде корабль, когда-либо сделанный человеком. Он был покинут людьми и готов к старту в Непостижимое.

Джералд Блэк, по праву талантливого молодого сотрудника стоявший в первом ряду, пощелкал пальцами, вытер вспотевшие ладони о белый заношенный пиджак и грубовато поинтересовался:

– Что это вы не подходите к генералу? Бойтесь ее сиятельства?

Мигель Ронсон из «Интерпланетари Пресс» бросил короткий взгляд в противоположный угол зала, где рядом с блестящим генерал-майором Ричардом Кэллнером стояла скромная женщина, почти незаметная на фоне расшитого мундира генерала, и ответил:

– Зачем? Я ведь охочусь за новостями.

Ронсон был невысок, полноват, стригся почти наголо, оставляя только колючую щетину на голове, носил рубашку с открытым воротом и брюки с короткими штанинами, чтобы непременно торчали щиколотки, старательно поддерживая образ газетчика – героя телесериалов. При этом, репортером был неплохим.

Блэк был грузен, темная челка почти закрывала лоб, но мыслил он настолько же четко, насколько неуклюже двигались его толстые пальцы,

– Новости все у них, – сказал он.

– Тоже скажете, – ответил Ронсон. – Кэллнер под золотой

чешуей бесплотен. Раздень его, и увидишь конвейер для передачи приказов вниз и спихивания ответственности наверх.

Блэк чуть не ухмыльнулся, но удержал себя и спросил:

– А миссис профессор?

– Доктор Сьюзен Кэлвин, «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», – продекламировал нараспев Ронсон. – Женщина с гиперпустотой вместо сердца и жидким гелием вместо глаз. Пройдет сквозь Солнце и выйдет в сосульках мерзлого пламени.

Ухмылка появилась на лице Блэка.

– Ладно, директор Шлосс?

– Слишком умный, – с готовностью откликнулся репортер. – Все время балансирует между стремлением уделить слушателю частицу своих знаний и боязнью ослепить вышеупомянутого слушателя блеском несравненного интеллекта, а в результате хранит молчание.

Верхняя губа Блэка приподнялась, обнажив зубы.

– Теперь представьте, что вы должны объяснить, почему решили встать возле меня.

– Элементарно, доктор. Я посмотрел на вас и решил, что человек с такой некрасивой физиономией наверняка умен и уж наверняка не упустит случая для хорошей рекламы.

– Напомните мне, я вам когда-нибудь отплачу. Так что вы хотели узнать?

Ронсон показал вниз и спросил:

– Эта штуковина... сработает?

Блэк тоже посмотрел вниз и почувствовал, что между лопаток пробежал холодок, словно от дуновения ночного ветра на Марсе. Всю нижнюю часть зала занимал огромный телевизионный экран, поделенный надвое. На одной половине был панорамный вид спутника. На серой, изрытой воронками поверхности лежал «Парсек», тускло мерцая в слабом солнечном свете. Вторая половина экрана показывала зал управления. В нем не было ни одной живой души. В кресле пилота сидела фигура, имевшая отдаленное сходство с человеком, но это ни на секунду не отвлекало от понимания того, что возле пульта находится позитронный робот.

– Сработать-то, наверное, сработает. Робот отправится и вернется. Пространство! Мы даже с этой частью намаялись. Я все своими глазами видел. Я ведь сюда попал через две недели после защиты диплома по космической физике, и так с тех пор и живу без выходных и отпусков. При мне через гиперпространство к Юпитеру запустили кусок стальной проволоки, и получили назад опилки. При мне отправили белых мышей, и приняли назад фарш. Потом полгода потратили на стабилизацию гиперполя. Нам приходилось отлавливать десятитысячные доли секунды, чтобы синхронизировать этапы гиперпутешествия. После этого белые мыши начали возвращаться в целости. Я помню, как мы неделю праздновали, когда мышь вернулась и прожила десять минут. Теперь они живут столько, сколько мы захотим.

– Здорово! – сказал Ронсон.

Блэк искоса взглянул на него.

– Так что, сработать-то, наверно, сработает. Но эти мышцы были..

– Что?

– Безмозглые. Даже без того крохотного мозга, который положен мышам. Они не ели, их кормили искусственно. Они не спаривались, не бегали, они – сидели. Сидели, сидели... И ничего больше. Послали, наконец, шимпанзе. Это было ужасно. Слишком похоже на человека, чтобы смотреть спокойно. Когда он вернулся, это был кусок мяса, умевший немножко ползать. Еще он переводил взгляд и чесывался. Сидел в своих экскрементах, и хоть бы что. Потом его кто-то пристрелил, и все облегченно вздохнули. Ты понял, приятель? Никто не возвращался из гиперпространства в сознании.

– Это для публикации?

– После сегодняшнего эксперимента – может быть. Они тут бог весть каких чудес ждут. – Он скривил губы.

– А вы?

– С роботом? Нет.

Память невольно вернула Блэка на несколько лет назад, когда он оказался без вины виноватым в том, что потерялся робот¹. Роботы типа «Нестор» заполонили Гипербазу превосходством заложенного в них знания и отрицательными последствиями, логично вытекавшими из их совершенства.

¹ Смотри рассказ Айзека Азимова «Как потерялся робот»

Что толку опять говорить о роботах? Он вовсе не был миссионером.

Но Ронсон, просто чтобы заполнить молчание, сказал, откусывая от пластика жевательной резинки:

– Вы только не уверяйте, будто вы против роботов. Все говорят, что уж среди ученых-то таких нет.

Терпение Блэка лопнуло. Он сказал:

– Правильно, в этом вся беда. Технологи носятся с роботами, словно с сокровищем. Все операции должны выполняться роботами, иначе главный инженер сна лишится. Вместо дверного стопора вы покупаете робота с очень толстой ногой. Дело зашло слишком далеко. – Блэк говорил тихо и внятно, прямо Ронсону в ухо.

Тот высвободил руку:

– Слушайте, я не робот, я человек. Homo sapiens. Вы мне чуть плечо не сломали. Думаете, иначе до меня не дойдет?

Но остановить Блэка, если он разошелся, было не так-то просто.

– Вы знаете, сколько времени на это ушло? Берем робота с наиболее широкой специализацией и отдаем ему единственный приказ. Без затей. Я этот приказ слышал и выучил наизусть. Кратко и четко: «Крепко сожми рычаг. Сильно потяни на себя. Сильно! Держи и не выпускай, пока приборы не зафиксируют, что гиперпространство пройдено дважды». В назначенный момент робот возьмет рычаг управления и сильно потянет на себя. Рычаг перейдет в стартовую

позицию, тепловое расширение замкнет контакт и начнется генерация гиперполя. Чтобы ни произошло с его мозгом во время первого прохода, это уже будет неважно. От него требуется одно – удержать рычаг долю микросекунды, тогда корабль вернется, и гиперполе исчезнет. Сбой невозможен. Мы проверяем его реакции и выясняем, в чем дело, если что-то разладилось.

Ронсон покивал:

– Вроде, логично.

– Логично? – с горечью переспросил Блэк. – А что можно выяснить по состоянию мозга робота? У него мозг позитронный, у нас – клеточный. У него металлический, у нас – протеиновый. Они разные. Их нельзя сравнивать. Но то, что они выяснят, или решат, что выяснили о роботе, станет обоснованием для запуска людей в гиперпространство. Чудовищно! Поймите, это не вопрос жизни и смерти, но возвращается нечто безмозглое. Если бы вы видели шимпанзе, вы бы поняли бы, о чем я говорю. Со смертью ясно – конец есть конец. Но это...

– Вы говорили об этом с кем-нибудь? – спросил репортер.

– Да. Они говорят то же, что и вы. Мэл, я против роботов, а остальное все чепуха. Вон, посмотрите на Сьюзен Кэлвин. Будьте покойны, она-то не против роботов. Специально прилетела с Земли ради эксперимента. Если бы за пультом был человек, она бы пальцем не шевельнула. А толку-то что!..

– Ха, – сказал Ронсон, – вы точку не ставьте. Здесь есть

и еще кое-что.

– Что – «кое-что»?

– Кое-какие вопросы. С роботом мне понятно, Но почему такая секретность?

– В каком смысле?

– В прямом. Почему-то я не имею права посылать сообщения. Почему-то ни один корабль не может пролететь рядом. В чем дело? Как будто проводится еще один эксперимент. Люди о гиперпространстве знают, о том, чем вы занимаетесь, тоже знают. В чем же дело?

Блэк никак не мог успокоиться. Он злился на роботов, на Сьюзен Кэлвин и на воспоминания о потерявшемся роботе. Стоит ли, решил он, в конце концов, тратить эмоции на назойливого газетчика и на его назойливые расспросы? Посмотрим, как он отреагирует.

– Вы в самом деле хотите знать?

– Еще бы!

– Ну, что ж. До сих пор мы помещали в гиперполе предметы, в миллион раз меньше, чем наш корабль, и отправляли их в миллион раз ближе. Значит, то поле, которое мы хотим сгенерировать, окажется в миллион миллионов раз мощнее тех, с которыми мы имели дело. И как оно себя поведет, мы не знаем.

– То есть?

– Теория говорит, что корабль будет с абсолютной точностью доставлен к Сириусу и с той же точностью вернется

обратно. Но какой объем пространства захватит «Парсек», сказать трудно. Мы мало знаем о гиперпространстве. Может быть, оно унесет весь астероид, с которого стартует корабль, и если наши расчеты неверны, он может и не вернуться. А может быть, и не только астероид.

– Конкретнее, – попросил Ронсон.

– Не знаю. Остается элемент статической неопределенности. Вот почему другим кораблям запрещено приближаться.

Ронсон с усилием сглотнул.

– А если оно дотянется до Гипербазы?

– Не исключено, – спокойно ответил Блэк. – Шанс невелик, иначе, поверьте мне, директор Шлосс не явился бы. Но некоторая вероятность есть.

Репортер поглядел на часы.

– Сколько осталось?

– Минут пять. Нервничаете?

– Нет, – сказал Ронсон, но тут же сел на стул и умолк.

Блэк перегнулся через ограждение. Истекали последние минуты.

Робот пошевелился.

Собравшиеся разом наклонились вперед, свет потускнел, чтобы стало виднее то, что происходит внизу, но это было лишь первое движение. Робот протянул руку к рычагу.

Блэк ждал последнюю секунду, когда робот дернет рычаг к себе. Все варианты того, что может произойти представились ему разом.

Короткий промельк, который обозначает уход и выход из гиперпространства. Хотя временной зазор и ничтожен, но точка финиша немного сместиться, и будет промельк. Так было всегда.

Далее, по возвращении может выясниться, что выровнять поле в огромном объеме космического корабля не удалось. От робота тогда останется груда лома. От корабля тоже.

А может быть, расчеты ошибочны, и корабль попросту не вернется. Еще приятнее, если и Гипербаза уйдет с кораблем и тоже не вернется.

Нет, ну разумеется, все может кончиться хорошо. Промельк и корабль появляется в прежнем виде. Робот, при полной ясности позитронного сознания, встает и сообщает об успешном завершении первого путешествия созданного человеком предмета за пределы Солнечной системы.

Счет пошел на секунды.

Робот обхватил рычаг, с силой рванул к себе...

И – ничего.

Ни вспышки, ни... – ни-че-го!

«Парсек» не покинул обычного пространства.

Генерал-майор Кэллнер мягкой фуражкой промакнул лоб, обнажив лысину, состарившую бы его лет на десять, если бы его лицо и так уже не состарила усталость. Прошел почти час, и ничего не было сделано.

– Что же случилось? Что случилось? Не понимаю.

Доктор Мейер Шлосс, сорокалетний «величавый патри-

арх» молодой науки о гиперполевых матрицах, уныло проговорил:

– С основами теории все в порядке, клянусь чем угодно. Какая-то механика отказала. Наверняка, – повторял он, как заведенный.

– По-моему, все проверено.

Ответ звучал тоже не в первый раз.

– Да, безусловно, сэр. Но...

И так далее.

Они сидели друг против друга в кабинете Кэллнера, запершись изнутри, и старательно отводили глаза от Сьюзен Кэлвин.

Ее бледное лицо с тонким ртом было бесстрастно.

– Вы можете утешаться тем, что я вас предупреждала заранее. Успех всего предприятия был с самого начала сомнителен, – холодно сказала она.

– Сейчас не время для старых споров, – простонал Шлосс.

– А я и не спорю. «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» поставляет специализированных роботов любому заказчику для любых непротивозаконных действий. И мы свою часть работы выполнили. Мы сообщали вам, что не гарантируем достоверность выводов о человеческом мозге на основании данных по позитронному мозгу. Здесь мы ответственности не несем. Спорить не о чем.

– Проклятие, – Кэллнер говорил почти умоляюще.

– Хватит об этом!

– Что же мы упустили? – пробормотал Шлосс, невольно возвращаясь к своим мыслям. – Пока мы точно не выясним, что делает с мозгом гиперпространство, мы не можем двигаться дальше. По крайней мере, робот мыслит математически. Это могло стать первым шагом, началом. И пока мы не попытаемся... – Он поднял ошеломленный взгляд: – Доктор Кэлвин, нас не интересует ваш робот. Плевать нам и на него, и на его позитронный мозг. Вы поняли меня или нет?! – В голосе прорезались визгливые нотки.

Робопсихолог ответила почти с той же монотонностью, что обычно, но Шлосс сразу же замолчал.

– Нельзя ли обойтись без истерики? В моей жизни было много критических ситуаций, и ни одна из них в истерике не решалась. Я хочу получить ответы на некоторые вопросы.

Полные губы Шлосса задрожали, глубоко посаженные глаза, казалось, провалились в глазницы, оставив вместо себя два темных пятна.

– Вы хорошо разбираетесь в космической технике? – язвительно спросил он.

– Это к делу не относится. Я главный робопсихолог компании «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн». У пульта «Парсека» сидит позитронный робот. Как и все позитронные роботы, он был не продан, а предоставлен в пользование. У меня есть право на получение информации о любом эксперименте с его участием.

– Ответайте, Шлосс, – велел генерал Кэллнер. – Она свое

дело знает.

Доктор Кэлвин поглядела на генерала. Кэллнер лично присутствовал при розыске потерявшегося робота и, стало быть, четко представляет себе ее уровень. Шлосс в то время болел, а даже сто раз услышать хуже, чем один раз увидеть.

– Благодарю вас, генерал, – сказала она.

Шлосс беспомощно посмотрел на нее, потом на генерала и пробурчал:

– Что вы хотите выяснить?

– Первый вопрос очевиден: если, как вы говорите, дело не в работе, то в чем тогда проблема?

– Проблема тоже очевидна: корабль не сдвинулся с места.

Вы это видели? Или вам зрение отказало?

– Зрение у меня в порядке. Я не могу понять вашу панику из-за механической неполадки. У вас что, всегда все идет гладко?

– Расходы, – выдавил из себя генерал. – Корабль чертовски дорог. Целевые ассигнования Всемирного Конгресса... – он что-то еще сказал, но уже не слышно.

– Корабль на месте. Осмотр, небольшой ремонт, и инцидент исчерпан.

Шлосс овладел собой. По выражению лица было видно, что он крепко ухватил свою душу, задал ей хорошую встряску и поставил на место. Голос стал спокойным.

– Доктор Кэлвин, когда я говорю о механической неполадке, я имею в виду пылинку в реле, случайное загряз-

нение контакта, транзистор, заблокированный непредусмотренным разогревом, – да что угодно. Дефект непредсказуем и может самоликвидироваться в любой момент.

– И в этот любой момент «Парсек» может уйти в гиперпространство, чтобы потом вернуться?

– Вот именно. Теперь вам понятно?

– Не совсем. Ведь вы же к этому и стремитесь?

Шлосс с трудом сдержался – ему хотелось обеими руками вцепиться изо всех сил себе в волосы.

– Вы не космический инженер!

– Это мешает вам отвечать?

– Мы настроили так, – в отчаянии заговорил Шлосс, – чтобы попасть из одной точки пространства в другую, отсчитывая от центра масс галактики. За истекший час «Парсек» сдвинулся, Солнечная система сместилась. Исходные параметры для определения гиперполя больше не верны. Гиперпространство не подчиняется простым законам движения, и новый расчет параметров займет неделю.

– То есть, если корабль стартует, то он вернется неизвестно куда, за тысячи миль отсюда?

– Неизвестно куда? – Шлосс растерянно улыбнулся. – Да, вы правы. «Парсек» может прилететь в туманность Андромеды, или на Солнце. Так или иначе, шансы увидеть его снова невелики.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

– Итак, корабль в любую минуту может исчезнуть, и вме-

сте с ним безвозвратно пропадут миллиарды долларов, взятых у налогоплательщиков, причем уйдут впустую и по халатности.

Генерал-майор Кэллнер подскочил так, как будто его булавкой кольнули снизу.

– Поэтому, – продолжала робопсихолог, – механизм генерации гиперполя на корабле необходимо отключить как можно скорее. Нужно там что-нибудь разъединить, или разорвать, или выключить. – Она говорила тихо, словно бы про себя.

– Не так все просто, – перебил ее Шлосс. – Я не сумею объяснить подробно, поскольку вы не специалист по космосу, но это примерно как... отключать обычную электроцепь, разрезая провод высокого напряжения садовыми ножницами. Это не только может, но и должно привести к катастрофе.

– Вы полагаете, что любая попытка блокировать опасность вытолкнет корабль в гиперпространство?

– Любая попытка, предпринятая на удачу – наверняка. Гипервоздействие не ограничено скоростью света. Скорей всего, у него вообще нет ограничений по скорости, что чрезвычайно все усложняет. Единственный способ – это найти причину неудачи. Только тогда возможно будет безопасно отключить генераторы.

– У вас есть конкретный план, доктор Шлосс?

– По-моему, не остается ничего другого, кроме как по-

слать туда робота типа «Нестор»...

– Нет. Не валяйте дурака, – перебила Сьюзен Кэлвин.

Шлосс невозмутимо продолжал:

– Несторы знакомы с особенностями космической техники. Они идеально подходят для...

– Не обсуждается. Вы не имеете права использовать позитронных роботов для выполнения подобных задач без моего разрешения. А моего разрешения у вас нет и не будет.

– Что вы предлагаете взамен?

– Пошлите какого-нибудь инженера.

Шлосс яростно помотал головой:

– Невозможно! Риск слишком велик. Если и корабль, и человек погибнут...

– В любом случае, вы не пошлете ни Нестора, ни другого робота...

– Я... мне надо связаться с Землей, – сказал генерал. –

Вопрос необходимо решать на более высоком уровне.

– Я вам советую подождать, генерал, – жестко произнесла Сьюзен Кэлвин. – Вы отдаете себя на милость правительства, не имея ни собственного плана, ни предложений. Боюсь, вам придется худо.

– Но что же делать? – генерал в волнении достал носовой платок.

– Послать человека. Другого выхода я не вижу.

По лицу Шлосса разлилась серая, мертвенная бледность.

– Легко сказать человека. Но кого?

– Я это уже обдумала. Тот молодой человек – Блэк, по моему, – ведь я его встречала на Гипербазе?

– Доктор Джералд Блэк?

– Кажется, так. Да. Тогда он был холост, а теперь?

– Вроде бы, все по-прежнему.

– Тогда пускай его приведут к нам минут через пятнадцать, а я покамест просмотрю его послушной список.

Она как бы исподволь овладела ситуацией, и ни Шлоссу, ни Кэллнеру не пришло в голову оспаривать ее власть.

Во время второго визита Сьюзен Кэлвин на Гипербазу Блэк видел ее только издали, и у него не возникало желания сокращать дистанцию. Когда же ему приказали явиться к ней, он вдруг поймал себя на том, что смотрит на нее со страхом и неприязнью. На генерала Кэллнера и доктора Шлосса, стоявших поодаль, он не обратил никакого внимания.

Он вспоминал, как стоял перед ней в тот раз, и как она бесстрастно терзала его из-за пропавшего робота.

Холодный взгляд серых глаз Сьюзен Кэлвин проникал вглубь его горячих, карих глаз.

– Доктор Блэк, – сказала она, – я думаю, ситуация вам ясна.

– Да, – ответил Блэк.

– Нужно что-то делать. Корабль нельзя потерять, он слишком дорог. Дурная слава будет означать конец проекта.

Блэк кивнул.

– Я понимаю.

– Надеюсь, вы понимаете и то, что кто-то должен отправиться на «Парсек», найти дефект и... ликвидировать его.

Наступила тишина.

– Какой дурак на это пойдет? – хрипло проговорил Блэк. Кэллнер, нахмурясь, повернулся к Шлоссу, тот закусил губу и устремил взор в пустоту. Сюзен Кэлвин снова заговорила:

– Разумеется, не исключено случайное включение гиперполя и, как следствие, безвозвратное исчезновение корабля. С другой стороны, он может вернуться в пределы Солнечной системы. В таком случае будут пущены в ход все средства, чтобы спасти человека и корабль.

– Идиота, – сказал Блэк. – И корабль. Маленькая поправочка.

Сюзен Кэлвин не обратила внимания.

– Я получила от генерала Кэллнера разрешение поручить это вам. Идти должны вы.

Стараясь не повышать тон, Блэк без промедления ответил:

– Мадам, ищите других желающих.

– На Гипербазе, может быть, наберется человек десять с должным уровнем компетентности. Памятуя о нашей предыдущей встрече, я выбрала вас. Вы знаете, что к чему, и...

– Послушайте, я же сказал, ищите других желающих!

– У вас нет выбора. Вы ведь не уклонитесь от своего долга?

– Моего? С какой стати он мой?

– Вы лучше других выполните работу.

– Вы знаете, чем это чревато?

– Думаю, да, – ответила Сьюзен Кэлвин.

– Уверен, что нет. Вы не видели шимпанзе. Послушайте, когда я сказал «идиота и корабль», я не подобрал красочного эпитета, я назвал вещи своими именами. Если надо, я готов рискнуть жизнью. Не рвусь, но готов. Но рисковать тем, чтобы превратиться в идиота и провести остаток дней в животном состоянии, я не буду. И кончим на этом.

Сьюзен Кэлвин сосредоточенно изучала потное от ярости лицо молодого ученого.

– Да пошлите вы своего робота, игрушку вроде «NS-2», – выкрикнул Блэк.

В ее взгляде мелькнул холодный блеск. Она с расстановкой проговорила:

– Да, доктор Шлосс уже предлагал это. Роботы «NS-2» компанией не продаются, а предоставляются в пользование с сохранением прав собственности. Видите ли, каждый из них стоит много миллионов долларов. Я, как представитель фирмы, считаю, что они слишком дороги, чтобы рисковать ими в подобных ситуациях.

Блэк поднял руки к груди, словно пытаясь унять дрожь.

– Я не понял. По-вашему, я должен идти вместо робота, потому что стою дешевле?!

– Ну, если на то пошло, то – да.

– Доктор Кэлвин, – произнес Блэк, – идите ко всем чертям. Встретимся на сковородке.

– Ваше пожелание может исполниться почти буквально, молодой человек. Генерал Кэллнер вам подтвердит, что мои слова имеют силу приказа. Практически, на Гипербазе введено военное положение, и за невыполнение приказа вас ждет трибунал. Скорей всего, вас отправят в тюрьму на Меркурий, а там условия очень напоминают наши представления об адской сковородке, и если бы я решила вас навестить, что вряд ли, то ваши слова могли бы оказаться пророческими. С другой стороны, если вы согласитесь отправиться на «Парсек» и грамотно выполните работу, ваша карьера будет обеспечена.

Блэк не отрывал от нее налитых кровью глаз.

– Дайте ему на размышление пять минут, генерал, и приготовьте ракету, – сказала Сюзен Кэлвин.

Двое агентов секретной службы вывели Блэка из комнаты.

Джералда Блэка знобило. Он перестал ощущать свое тело, как будто наблюдал за собой откуда-то из безопасного далека: вот он садится в ракету, готовый отправиться туда, на «Парсек».

Он сам себе не поверил, когда внезапно кивнул и сказал: «Да».

Но почему?

Героем он себя никогда не считал – тогда почему? Отчасти из страха перед Меркурием. Отчасти из глупейшего

нежелания оказаться трусом в глазах знакомых – своеобразная трусость, лежащая в основе половины всех подвигов.

Но окончательно толкнуло его нечто другое. По дороге к ракете его остановил раскрасневшийся Ронсон из «Интерпланетари Пресс». Блэк оглянулся.

– Чего вам?

– Слушайте, когда вы вернетесь, я хочу быть первым – я все устрою, любой гонорар, на любых условиях...

Блэк с силой оттолкнул его и пошел дальше.

В ракете сидели двое. Оба молчали, их взгляды старательно огибали Блэка по касательным. Пилоты перетрусили до потери пульса, а их ракетка приближалась к «Парсеку» на манер котенка, бочком подбирающегося к больному псу, впервые в жизни увидав такого зверя. Блэк понимал их. В общем-то, они были ни при чем.

Перед его глазами стояло только одно лицо. Взволнованный генерал и напускная решимость Шлосса отошли на второй план. На них плевать. Он думал о невозмутимом облике Сьюзен Кэлвин, о том, с каким спокойствием она отправила его... куда?

Он всматривался в черную пустоту, в которой уже растаяла Гипербаза.

Сьюзен Кэлвин! Доктор, профессор, робопсихолог! Робот в обличье женщины!

Какие, интересно, у нее три закона²? Первый Закон: «Все

² Три закона роботехники: 1. Робот не может причинить вред человеку или

силы, разум и душу обрати на защиту роботов». Второй: «Блюди интересы пресвятой „Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн“, если это не противоречит Первому Закону». Третий: «Не обращая внимания на людей, разве что этого потребуют Первый или Второй Законы».

Она когда-нибудь была молодая? – думал он; – когда-нибудь знала, что такое эмоции?

Проклятье! Чего бы он не отдал, чтобы стереть с ее лица вечную мерзлоту.

И он добьется этого!

Добьется, будьте покойны. Только бы ему выбраться из переделки в здравом уме, тогда он возьмет за глотку и ее, и компанию, и их отвратительное порождение – племя роботов. И это жгло его изнутри сильнее, чем страх тюрьмы или мечта о славе. Жажда мести почти перемогла страх. Почти.

Один из пилотов, отвернувшись, сказал ему:

– Можете выходить. Осталось всего лишь полмили.

– Посадка не предусмотрена? – с горечью уточнил Блэк.

– Категорически запрещена. Сотрясение при посадке может...

– А сотрясение от моей посадки не может?

– У меня приказ, – ответил пилот.

своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам. *Айзек Азимов*

Блэк промолчал, надел скафандр и подошел к внутреннему люку. У правого бедра к скафандру на металлической пластине была приварена сумка для инструментов.

Переступив порог, он услышал в наушниках шлема гудящее «Удачи, доктор».

Он не сразу сообразил, что слышит слова пилотов, которые перебороли для этого желание как можно быстрее убраться из жуткого места.

– Спасибо, – неловко и немного обиженно сказал Блэк.

Неуклюже оттолкнувшись от корпуса, он несколько раз медленно перекувырнулся и остался один.

Невдалеке, как будто поджидая его, лежал «Парсек». Сзади (вернее, между ног, во время медленного вращения) он увидел длинный полосовой след ракеты.

Он был один – невообразимо! Совсем один...

За всю историю человечества никому не доводилось оказаться в таком абсолютно полном одиночестве. Узнает ли он, подкралась тошнотворная мысль, – успеет ли он узнать, что что-то случилось? Или не заметит? Почувствует, как гаснет сознание, меркнет и исчезает разум, или произойдет все внезапно, как удар кинжала? В любом случае...

Он живо вспомнил шимпанзе – с пустыми глазами, в ознобе от непостижимых кошмаров.

До астероида оставалось двадцать футов. Неуловимо-плавно плыл он через пространство, и кроме человеческого вмешательства, ни одно зернышко песка на нем не бы-

ло потревожено с астрономически незапамятных времен.

И в бестревожном покое крохотная пылинка, попавшая в сложную конструкцию, а может быть, капля примеси в сверхчистом масле, смазывающем движущиеся части, застыла «Парсек».

Едва ощутимая вибрация, неуловимый толчок от соприкосновения масс могли устранить препятствие, движение совершится по рассчитанной траектории, освободит гиперполе, и оно расцветет вширь, как перезрелая гигантская роза.

Поверхность приближалась. Блэк сгруппировался для как можно более мягкой посадки. Он весь покрылся гусиной кожей от подсознательного стремления подольше удерживаться от столкновения.

Ближе, еще, еще..

... И ничего!

Лишь медленно нарастающее давление поверхности астероида от затухающей инерции двухсот пятидесяти фунтов (с учетом скафандра). Собственной гравитации, практически, не было.

Блэк приоткрыл глаза, посмотрел на звезды. Под ним сверкал мраморный блеск, немного приглушенный полярной смотровой пластиной шлема. Звезды светили бледно, но образовывали знакомый узор. Солнце было на месте, созвездия тоже – он находился в Солнечной системе. Виднелась даже Гипербаза туманным крохотным пятнышком.

Он вздрогнул от неожиданности: в наушниках раздался

голос. Говорил Шлосс.

– Мы наблюдаем за вами, доктор Блэк. Вы не один.

Формулировка могла бы показаться Блэку смешной, но он сказал в ответ тихо и отчетливо:

– Можете отключиться, я не обижусь.

Пауза. И льстивый голос Шлосса:

– Если вы будете по ходу докладывать, как дела, вам, может быть, будет легче.

– Всю информацию получите, когда я вернусь. Не раньше.

Он с горечью усмехнулся и пальцами, закованными в броню, повернул регулятор приемника, вмонтированного в грудную панель. Пускай говорят в пустоту. Он обойдется без них. Только бы вернуться в здравом рассудке, тогда он знает, что делать.

Он осторожно встал и шагнул. Тело непроизвольно раскачивалось, толкаемое случайным сокращением мускулов, которые еще не подстроились под почти полное отсутствие гравитации и с запазданием отрабатывали неустойчивое равновесие. На Гипербазе псевдогравитационное поле создавало привычные условия. Блэк отметил, что раз он думает об этом, значит у него сохранилась способность к абстрактному мышлению.

Солнце ушло за край горизонта. Период обращения астероида составлял один час, и перемещение звезд на небе было заметно невооруженным глазом.

«Парсек» виднелся невдалеке. Блэк медленно, осторож-

но, чуть ли не на цыпочках, пошел к нему. (Вибрация. Только бы избежать вибрации. Только бы избежать...)

Он преодолел расстояние раньше, чем оценил его. К внешнему люку вели ручные захваты.

Помедлил.

Корабль выглядел очень обыкновенно. По крайней мере, если не обращать внимания на два кольца стальных выступов, деливших его по высоте на три равные части; готовых стать антеннами гиперполя...

Блэку вдруг захотелось, наперекор всему, протянуть руку, потрогать их – дурацкая мысль, такие иногда посещают в неподобающие моменты. Например, «а если прыгнуть?» – глядя из окна небоскреба.

Блэк глубоко вздохнул, раскрыл ладони, развел руки в стороны и легко-легко прикоснулся к обшивке.

И ничего!

Он взялся за скобу и осторожно подтянулся. Ему бы сейчас тот опыт работы в невесомости, что есть у монтажников! Нужно прикладывать столько сил, чтобы преодолеть инерцию и сразу остановиться. Промедлив секунду с остановкой, нарушишь баланс и врежешься в борт.

Он медленно карабкался, держась кончиками пальцев, отклоняя нижнюю половину туловища влево, когда поднимал правую руку, и наоборот.

Еще несколько ступеней, и пальцы нащупали запорное устройство внешнего люка. Зеленоватое пятнышко маркер-

ной пломбы.

Он снова помедлил. Настал момент, когда необходимо было использовать мощь механизмов корабля. Перед его мысленным взором проплыли схемы электронных соединений и силовой разводки. Нажав на кнопку, он подключится к атомному реактору двигателя, и массивная плита внешнего люка отойдет в сторону.

Ну и что дальше? Зачем?

Ведь он не имеет понятия ни о характере поломки, ни о последствиях подключения к внутреннему источнику энергии. Он вздохнул и нажал кнопку.

Плавно, беззвучно в борту «парсека» открылся вход. Блэк оглянулся на старые, знакомые (не изменившиеся!) созвездия и вошел в мягко освещенную камеру. Внешний люк закрылся за ним.

Следующая кнопка. Внутренний люк. И вновь он остановился. Когда внутренний люк откроется, давление воздуха в корабле капельку упадет, и только через секунды электролизеры восстановят потерю.

Так что же?

К давлению, например, чувствительна задняя плата Боска, но уж не до такой степени. Он снова вздохнул и, ощутив, как напряглись от страха кончики пальцев, коснулся кнопки. Открылся внутренний люк. Блэк вошел в рубку «Парсека», и его сердце забилось громче, когда первое, что он увидел, был экран приема внешней информации. Усыпанный звез-

дами. Блэк через силу заставил себя взглянуть.

Светилась, как ни в чем не бывало, Кассиопея. Созвездия были знакомыми. Он находился внутри «Парсека». Интуитивно Блэк чувствовал, что худшее уже позади. Зайдя так далеко, не вылетев из пределов Солнечной системы и сохранив при этом ясность сознания, он понемногу начал обретать уверенность в своих силах.

Внутри «Парсека» царила полная тишь. Блэк повидал немало кораблей, и обязательно на них кто-нибудь подавал признаки жизни, хотя бы слышалось шарканье ног или кто-то из молодых сотрудников напевал себе под нос в коридоре. На «Парсеке», даже его сердце колотилось беззвучно.

В кресле пилота, спиной к нему, сидел робот. Он тоже никак не отреагировал на появление Блэка.

В подобии улыбки Блэк оскалился и резко скомандовал:
– Отпусти рычаг! Встать!

Голос раскатился громом по комнате. Блэк поздно сообразил, что создает вибрацию воздуха, но звезды на экране не изменились.

Робот, конечно, не шевельнулся. Он не услышал. Сейчас он не откликнулся бы даже на требование Первого Закона. То, что должно было свершиться в одно мгновение, длилось для него без конца.

Блэк вспомнил приказ, полученный роботом, приказ, не оставляющий места сомнительным толкованиям: «Крепко сожми рычаг. Сильно потяни на себя. Сильно! Держи и

не выпускай, пока приборы не зафиксируют, что гиперпространство пройдено дважды».

Гиперпространство не было пройдено еще ни разу.

Он осторожно подошел к роботу. Тот, раздвинув колени, сидел и с силой тянул на себя рычаг. Механизм включения дошел почти до расчетной позиции. Нагрев металлических ладоней должен был на манер термопары довершить переключение триггера и надежно замкнуть контакт. Блэк машинально взглянул на показания термоизмерительного блока на контрольной панели. Все как положено, тридцать семь градусов по Цельсию.

Отлично, подумал Блэк. Находишься наедине с роботом, не понимая, что делать.

Лично он предпочел бы взять молоток и превратить его в груды лома. Некоторое время Блэк смаковал эту идею. Он представлял себе ужас на лице Сьюзен Кэлвин (единственное, что могло бы растопить ее ледяную броню – страх за робота). Как все позитронные роботы, этот был тоже произведен, испытан, и оставался собственностью «Ю. С. Роботс».

Всласть насладившись мыслью об отмщении, Блэк очнулся и огляделся вокруг.

Он не продвинулся к цели ни на один шаг.

Медленно он снял скафандр; аккуратно убрал на место; боязливо прошелся по кораблю, рассматривая корпус гиператомного двигателя и проверяя полевые реле, но ни к чему не притрагивался.

Для отключения гиперполя были десятки способов, но каждый, пока не уяснен, где сбой, мог оказаться губительным.

Вернувшись в рубку, он поглядел в отчаянии на мощную спину робота и крикнул:

– Но ты-то можешь мне ответить, в чем дело? Или не можешь?!...

Ему опять захотелось наброситься на приборы и крушить все подряд, рвать наудачу соединения и ломать платы. Но Блэк без колебаний подавил бунт. Он проведет тут неделю, если понадобится, но вычислит, где причина. Ради Сьюзен Кэлвин. Во имя того, что он решил с ней сделать.

Он повернулся на каблуках и задумался.

Каждый узел корабля, от двигателя до последнего двухпозиционного тумблера, был тщательно проверен и испытан на Гипербазе. Немыслимо, чтобы хоть один из них отказал. На корабле не осталось ничего...

Нет, почему же: робот! Роботы проверялись компанией, а там знали, что почем (черти бы их унесли со всем их знанием).

Никто не сомневался в истинности слов, гласивших: робот сделает лучше.

Все были уверены, что это не просто рекламный лозунг компании «Ю. С. Роботс». В любых условиях, с любым делом робот справится лучше, чем человек. Не «как человек», а «лучше, чем человек».

И тут, пока Джеральд Блэк стоял, глядя на работа, и вновь обдумывал эту глубокую мысль, брови под его узким лбом сдвинулись, а взгляд выразил одновременно удивление и безумную надежду.

Он подошел к роботу спереди и пристально всмотрелся в руки, которые удерживали рычаг в позиции переключения и не отпустят его до тех пор, пока корабль не сдвинется или не иссякнет источник энергии.

– Черт меня побери, – выдохнул Блэк, – Черт побери.

Он включил связь. Антенны автоматически следили за Гипербазой.

– Эй, Шлосс, – гаркнул он в микрофон.

Шлосс отозвался сразу:

– Блэк, наконец-то!...

– Спокойно, – оборвал Блэк, – не тратьте слов. Я хотел убедиться, что вы следите за мной.

– Конечно, следим! Все собрались здесь. Послушайте...

Но Блэк уже отключился. Он изобразил улыбку той половиной рта, что была обращена к телекамере и выбрал часть гиперполевого механизма, которое располагалось на виду у них всех. Сколько там собралось народу, он не знал. Может быть, только Кэлнер, Шлосс и Сьюзен Кэлвин. Может, набились все. В любом случае, им будет, на что посмотреть.

Третий блок реле подойдет, решил Блэк. Он был расположен в нише и защищен сварной панелью. Порывшись в инструментах, Блэк вытащил плоский, тупоконечный плаз-

менный агрегат, и подошел к блоку реле. Преодолев остатки страха, он выбрал три точки на сварном шве. Агрегат работал плавно и быстро, тепловое излучение поля слегка нагревало ручку. Панель открылась.

Быстро, чуть ли не с неохотой, он поглядел на экран. Звезды были обычными, он тоже чувствовал себя абсолютно нормально.

Получив этот, последний, заряд бодрости, он поднял ногу и с размаху опустил тяжелый ботинок на деликатнейшие, тончайшие приборы.

Послышался звон стекла, хруст металла, веером покатились капли ртути...

Блэк перевел дыхание и включил связь.

– Шлосс, вы где?

– Я здесь, но...

– Докладываю: возникновение гиперполя на «Парсеке» исключено. Можете забирать меня.

Джералд Блэк чувствовал себя героем не больше, чем когда отправлялся на «Парсек», но люди думали по-другому. За ним прилетели те же двое пилотов. На этот раз они посадили ракету на астероид и радостно хлопали Блэка по спине.

На Гипербазе все высыпали встречать, устроили овацию. Он махал рукой, улыбался толпе и делал все, что положено герою, но настоящего триумфа не ощущал. Пока вместо торжества в нем зрело только предчувствие. Триумф должен был наступить при встрече с Сьюзен Кэлвин.

Перед тем, как сойти по трапу, он задержался, обвел глазами встречающих, но не нашел ее. Генерал Кэллнер был здесь, в привычном панцире солдатской самоуверенности, с прикленной улыбкой начальственного одобрения на лице. Майор Шлосс нервно улыбался. Ронсон из «Интерпланетари Пресс» размахивал руками. Сьюзен Кэлвин не было.

От Кэллнера и Шлосса Блэк отмахнулся:

– Сперва приму душ и поем.

Он точно знал, что, по крайней мере сейчас, имеет право ставить свои условия.

Агенты секретной службы проложили ему дорогу. Он вымылся и, не торопясь, поел в одиночестве, которое ему было обеспечено по первому требованию, потом вызвал Ронсона и коротко переговорил с ним. Вскоре Ронсон вернулся, и после второго разговора Блэк полностью расслабился. Все шло гораздо лучше, чем он планировал. Даже неудача с «Парсеком» случилась, как по его заказу.

Наконец, он позвонил генералу и приказал собрать совещание. Он имел право приказывать, и генерал-майор Кэллнер ответил:

– Есть, сэр!

Опять они собрались все вместе. Джералд Блэк, Кэллнер, Шлосс и Сьюзен Кэлвин. Но теперь главным был Блэк. Робопсихолог, по-прежнему строгая, взволнованная триумфом не более, чем провалом, пожалуй, все же смягчилась.

Доктор Шлосс прикусил ноготь большого пальца и мягко

произнес:

– Доктор Блэк, мы высоко ценим ваше бесстрашие и удачу. – Потом, как бы для соблюдения баланса, добавил: – Но каблуком по блоку реле – все-таки так нельзя. Это и не предусмотрительно, и не обдуманно.

– Нет, отчего же: как раз, обдуманно, – ответил Блэк и бросил первую бомбу: – Видите ли, к тому моменту я уже знал, что случилось.

Шлосс вскочил:

– То есть как? Вы уверены?

– Слетайте, проверьте. Там вполне безопасно. Я вам скажу, на что обратить внимание.

Шлосс медленно сел на место.

– Но если это так, то тем лучше, – обрадованно заявил генерал Кэллнер.

– Да, это так, – сказал Блэк и перевел взгляд на молчавшую Сьюзен Кэлвин.

Он наслаждался властью. Пришел черед бомбы номер два:

– Подвел, конечно, робот. Вы слышите меня, доктор Кэлвин?

Сьюзен Кэлвин впервые нарушила молчание.

– Я слышу. Я, в общем, предполагала это. Робот – единственный из всего оборудования корабля, который не был проверен на Гипербазе.

Блэк на мгновение смутился:

– Вы ничего не говорили об этом.

– Как подчеркнул несколько раз доктор Шлосс, – ответила Сьюзен Кэлвин, – я не специалист по космосу. Все, что у меня было – это догадка, которая могла и не подтвердиться. Я чувствовала себя не вправе склонять вас к какому-либо варианту заранее.

– Ладно, – продолжал Блэк, – но, может быть, вы догадались и в чем дело?

– Нет, сэр.

– Ну, как же! Ведь робот делает лучше, чем человек! В этом-то и загвоздка. Не правда ли, странно: сама установка «Ю. С. Роботс» привела к беде? Ведь роботы на самом деле работают лучше людей.

Он отмерял слово за словом, но она все не брала наживку.

– Уважаемый доктор Блэк, – вздохнула робопсихолог. – Я не несу ответственности за выдумки нашего отдела рекламы.

Блэк снова засмеялся. Сьюзен Кэлвин – хороший боец, подумал он.

– Ваши люди сделали робота, чтобы заменить человека у пульта управления «Парсека». Он должен был потянуть на себя контрольный рычаг, установить его в нужное положение, и тепло рук окончательно замкнуло бы контакт. Все очень просто, да, доктор Кэлвин?

– Да, все очень просто, доктор Блэк.

– И если бы робот не был лучше человека, все было бы превосходно. К несчастью «Ю. С. Роботс» стремился непременно превзойти человека. Робот должен был потянуть ры-

чаг на себя сильно. Сильно! Это слово было повторено, подчеркнуто, выделено. И робот выполнил приказание. Он потянул сильно. Но вот беда: он в десять, если не в двадцать раз сильнее, чем человек, в расчете на которого делали контрольный рычаг.

– Вы намекаете...

– Я сообщаю, что рычаг погнут. Он погнут как раз настолько, чтобы переключатель сместился, и когда тепло рук робота включило термопару, контакт не замкнулся, – он усмехнулся. – Это не неудача с одним роботом, доктор Кэлвин. Это символизирует обреченность самой идеи роботизации.

– Послушайте, доктор Блэк, – брезгливо оборвала его Сьюзен Кэлвин, – вы путаете отчет с проповедью. У робота хватает как интеллекта, так и грубой силы. Если бы человек, который приказывал, употребил количественные характеристики, а не дурацкое наречие «сильно», этого бы не случилось. Вели они ему потянуть с силой двадцать пять фунтов, все было бы нормально.

– Другими словами, несовершенство робота должно быть компенсировано изобретательностью и разумом человека. Можете мне поверить, что на Земле все это расценят именно так и вряд ли простят «Ю. С. Роботс» фиаско.

Генерал Кэллнер перебил с привычным металлом в голосе:

– Позвольте, позвольте, Блэк, все сведения об инциденте

относятся к засекреченной информации.

– Между прочим, – неожиданно подхватил Шлосс, – ваша теория не проверена. Мы еще пошлем на корабль других людей и все уточним. Может быть, причина вовсе не в работе.

– Да, вы постараетесь истолковать все иначе, верно? Не факт, правда, что вам, как заинтересованной стороне, повесят. А я хочу вам сказать еще одно.

Он изготовил последнюю, третью бомбу.

– Отныне, с этой минуты, я не участвую в проекте по пересылке человека через гиперпространство. Больше на меня не рассчитывайте.

– Почему? – спросила Сьюзен Кэлвин.

– Потому что, как вы недавно определили, доктор Кэлвин, я – проповедник, – улыбнулся Блэк, – и у меня есть миссия. Я должен передать людям Земли, что эра роботов подошла к рубежу, когда человек ценится меньше робота. Что нынче возможно на опасную работу посылать человека, потому что робот чересчур дорог, чтобы им рисковать. По-моему, люди должны знать об этом. Роботов недолюбливают многие. «Ю. С. Роботс» так и не получила разрешения использовать роботов на Земле. Я думаю, доктор Кэлвин, что мой рассказ станет последней каплей. В оплату за сегодняшнюю работу, доктор Кэлвин, вы, ваша фирма и ваши роботы будете истреблены с лица Солнечной системы.

Блэк знал, что предупреждает ее, дает ей время на подготовку ответного удара, но он не мог отказаться от этой сце-

ны. Он ждал своего часа с тех пор, как отправился на «Парсек» и дождался.

Увидев, как на мгновение блеснули светлые глаза Сьюзен Кэлвин, а щеки потеряли мертвенно-бледный цвет, он не без злорадства подумал: ну, каково вам сейчас, ученая миссис доктор?

– Вы не получите ни увольнения, – сказал Кэллнер, – ни разрешения на...

– А чем вы можете остановить меня, генерал? Вы разве не слышали: я – герой! Старушка-Земля любит своих героев, так повелось от века. Все будут слушать меня и мне поверят. И людям не понравится, когда кто-нибудь захочет мне помешать, во всяком случае, пока я им не приелся – новенький, свеженький герой, шутка ли? Я уже говорил с Ронсоном из «Интерпланетари Пресс», предупредил, что у меня наготове сенсация, которая всех чиновников и ученых бонз повыдирает из плюшевых кресел, так что «Интерпланетари Пресс» наготове и ловит каждое слово. Вам остается разве что пристрелить меня. Но думаю, что это вам, мягко говоря, не пойдет на пользу.

Блэк торжествовал. Он высказал все, не утаив ни одной выстраданной фразы. Он поднялся, чтобы выйти.

– Минуточку, доктор Блэк, – властно окликнула его Сьюзен Кэлвин.

Блэк невольно обернулся, точь-в-точь, как школьник на голос учительницы, но скрыл замешательство подчеркнутой

ироничностью:

– Вы хотите объяснить случившееся, не так ли?

– Отнюдь, – сухо отозвалась она. – Вы дали исчерпывающее объяснение. Я вас и выбрала потому, что вы скорей других все поймете. На основании предыдущего знакомства. Я знала, что вы не любите роботов и, значит, лишены пиетета по отношению к ним. Ознакомившись с вашим личным делом, я увидела, что вы открыто высказывались против эксперимента «робот в гиперпространстве». Ваше начальство считает, что это плохо, но я решила наоборот.

– Послушайте, доктор Кэлвин, я, с вашего позволения, не понимаю, о чем вы толкуете?

– О том, что вы сразу должны были понять, почему нельзя использовать для этого робота. Как вы тут говорили? Насчет того, что несовершенство робота следует компенсировать изобретательностью и разумом человека. Вы правы на сто процентов, молодой человек. На сто процентов. Роботы не изобретательны. Разумность их ограничена, она высчитывается до последней запятой. В чем, собственно, и состоит моя работа. Отдайте приказание роботу – точный приказ – и он его выполнит. Если приказ не точен, он не исправит ошибку без дополнительного приказа. Именно так вы объяснили случай с «Парсеком». Как же мы могли послать робота искать неполадку, не имея возможности отдать точный приказ – не зная, что там стряслось? «Пойди и найди, в чем дело» – это распоряжение для человека, а не для робота. Че-

ловеческий мозг – по крайней мере, пока – расчетам не поддается.

Блэк сел и в отчаянии посмотрел на робопсихолога. Ее слова проникали в самую точку, сквозь слой скрывающих суть эмоций. Ему нечего было возразить. Он понял, что проиграл.

– Но вы могли бы сказать мне это и раньше, – произнес он.

– Могла, – согласилась Сьюзен Кэлвин. – Но я заметила, что вы, естественно, очень боитесь за свой рассудок. Такое нетривиальное рассуждение могло ослабить вашу сосредоточенность, и я решила, что лучше вам полагать, будто я настаиваю на вашей кандидатуре единственно из страха за робота. Я подумала, что вы рассердитесь, а гнев, дорогой доктор Блэк, – бывает иногда очень полезен. По меньшей мере, он заглушает страх. И, в общем, расчет оказался правильным.

Она опустила руки на колени и почти улыбнулась.

– Ну и ну, – выдавил из себя Блэк.

– Так что послушайте моего совета, – сказала Сьюзен Кэлвин. – Продолжайте работать, примите титул героя и напишите вашему приятелю репортеру в подробностях детали вашего подвига. Не лишайте его обещанной сенсации.

Блэк медленно и неохотно наклонил голову. Шлосс облегченно вздохнул. Кэллнер ослепительно улыбнулся. Оба слушали Сьюзен Кэлвин молча, молча и протянули ему сейчас руки. Блэк пожал им руки с некоторым сомнением и сказал:

– Вы тоже должны дать интервью, доктор Кэлвин.

– Не говорите глупостей, молодой человек, – поморщилась Сьюзен Кэлвин. – Это моя работа.